

Секретный фронт в эфире

В первые недели войны радиоразведке Красной армии пришлось усвоить горький урок

Болтунов Михаил

27 апреля 2021

Радиоразведчики за работой

Война – это всегда жестокое, кровавое, непримиримое противостояние. Соревнование умов, военных талантов, опыта, воли к победе, техники и оружия, различных родов войск. Например, мы немало знаем о сражении под Прохоровкой, где развернулось самое крупное танковое сражение в истории Второй мировой войны. А каким было противостояние советских и немецких радиоразведчиков? Об этом мало что известно.

Утром 21 июня 1941 года командир 394-го отдельного радиодивизиона майор Георгий Котов прибыл на место дислокации пеленгаторного пункта лейтенанта Алексея Бушуева. Пункт располагался всего в полутора километрах от границы. Лейтенанту казалось, что он весьма умело выбрал позицию для размещения подразделения. Приглянулась ему полянка в лесу, тут и расположились. А поскольку крупномасштабной карты не было, показалось, что лучшего места не найти.

У командира дивизиона после осмотра позиции сложилось иное мнение. Он приказал перенести ее в глубь нашей территории и к рассвету 22 июня доложить о выполнении во Львов, в штаб дивизиона. Лейтенант Бушуев распоряжение выполнил и теперь торопил шофера машины-полупортки. Надо было лесной дорогой доехать до местечка Любыча Руда, где находилась ближайшая телефонная станция, заказать междугородный разговор со Львовом и доложить, как положено по форме.

Телефонная станция занимала одно крыло большого рубленого дома. За пультом сидела девушка-телефонистка. Она приняла заказ и устало кивнула: «Ждите». После этого стала вызывать Львов. Однако Львов упорно не хотел отвечать.

«Алло, Львов! Алло, ответьте Любыча Руде!» – взывала связистка в микрофон. Вдруг она замерла, в упор глядя на Бушуева. Глаза ее испуганно расширились, казалось, девушка услышала нечто очень страшное. И в то же мгновение лейтенант услышал нарастающий гул самолетов, взрывы, далекие ружейные выстрелы. Он выбежал на крыльцо.

В сторону погранзаставы мимо него пробежал офицер. От погранзаставы промчалась машина: в кузове женщины, дети. «Семьи пограничников», – отметил про себя Бушуев. Он вскочил в полупортку, крикнул шоферу: «Сорока, гони на пункт!».

Проехав метров двести, машина свернула на проселок к дому лесника. Миновав двор, автомобиль выскочил из ворот.

«Товарищ лейтенант, – вдруг испуганно спросил шофер, – кто это?». Бушуев также увидел впереди, в полусотне метров каких-то военных. Но каски были не наши, чужие. «Немцы», – выдохнул лейтенант.

Сорока ударил по тормозам, машина клюнула носом и остановилась. Едва они успели выскочить из кабины, как по ним ударили немецкие автоматчики.

«Надо что-то делать, – пытался сообразить Бушуев. – Но что?». Обстановка – сам черт не разберет. Ясно одно: произошло нечто страшное, непоправимое. Его подразделение попало в плен или вовсе уничтожено. Пробриться к нему невозможно.

Там на пеленгаторном пункте вместо него остался зеленый лейтенант Петр Лопурко, вчерашний выпускник училища. Только что он мог сделать?

Бушуев был в шоке. Он, командир, стоит здесь живой и здоровый, а его подразделение погибло. Мелькнула дурная мысль – застрелиться. Иначе ведь все равно трибунал. Он отогнал эти мысли. Решил не сдаваться.

Сначала на попутных машинах стали добираться до Равы-Русской, где находилось место постоянной дислокации пеленгаторного пункта. Добрались. Стали готовить технику, имущество, секретные документы для эвакуации.

Бушуев вновь попытался дозвониться до Львова, но сделать это так и не удалось. Тогда лейтенант принял решение и направил шофера Сороку на поезде во Львов, дабы тот мог доложить командованию о случившемся.

В середине дня из штаба дивизиона прибыли бойцы, которые стали основой для будущего подразделения.

К концу 22 июня пеленгаторный пункт был укомплектован и направлен в новый район дислокации, который располагался ближе ко Львову. Однако до этого места еще надо было добраться. Ночь с 22 на 23 июня прошла на марше. Навстречу колонне к границе шли подразделения, на дороге постоянно возникали заторы.

Чувствовалось незримое присутствие немецких диверсантов. Вдоль дороги – взорванные телефонные столбы, оборванные провода на них. Радисты то и дело слышали сообщения, что на Львов двигаются немецкие танки.

На пятый день войны пеленгаторный пункт под командованием лейтенанта Алексея Бушуева был все же придан разведотделу штаба 6-й армии.

«Общая обстановка была сложной, – вспоминал те дни полковник в отставке Алексей Бушуев, – наши войска отходили. Нас часто бомбили. Подразделение, действуя самостоятельно, имело ограниченные возможности по определению местонахождения выявленных радиостанций противника, так как пеленгация велась с одной точки, то есть только по направлению. А для радиоперехвата микрофонных передач требовался переводчик, которого не было».

Да, данные разведки о подготовке фашистской Германии к войне на Советский Союз поступали, однако нападение в ночь на 22 июня 1941 года оказалось тактически внезапным. Радиоразведывательные дивизионы и их подразделения оказались слишком близко выдвинуты к государственной границе. Отсюда и большие потери в командном, личном составе, технике, автотранспорте.

Получалось, что немцы пытались убедить противника, якобы армия по-прежнему находится на месте. Однако на месте остались лишь радиосети, но не сама армия

480-й дивизион Белорусского военного округа, отходивший из Белостока, к июлю 1941 года потерял основную часть личного состава. В строю остались всего 25 человек, два пеленгатора и шесть радиоприемников.

541-й дивизион Прибалтийского военного округа утратил два подразделения, которые дислоцировались в Литве. За пять дней войны потери составили 20 процентов личного состава и четверть радиопеленгаторов.

Так в первые недели войны радиоразведке Красной армии пришлось усвоить горький урок: в условиях ожидаемого удара противника нельзя выдвигать радиоразведывательные подразделения близко к границе и подвергать их реальному риску.

Стала ясна и еще одна трагическая ошибка. Советские радиоразведчики во второй половине 30-х годов активно занимались радиопоиском в сопредельных с СССР государствах. Однако с началом Второй мировой в 1939 году мало что изменилось, радиоразведку РККА не перенацелили на Германию, что крайне отрицательно сказалось на ее подготовке к боевым действиям.

Русский радиокод

С горечью говоря о 1941-м, надо признать: командиры и личный состав частей ОСНАЗа слабо подготовились к действиям в боевых условиях. И дело не только в том, что радиодивизионы попали под удары противника и частично утратили боеспособность, главное – у нас отсутствовал опыт ведения радиоразведки фашистских войск.

Немцы же, наоборот, умело развернули радиоохоту. В сухопутных войсках у них были роты радиоразведки в полевых армиях, взводы – в пехотных дивизиях, а также отдельные стационарные радиоразведывательные пункты.

Роты, на вооружении которых стояли приемники и пеленгаторы «Телефункен», вели перехват радиопереговоров и пеленгацию радиостанций в полосе до 150 километров.

Взводы, состоящие из двух отделений перехвата радиопередач, отделения подслушивания телефонных переговоров и пункты обработки разведывательных данных вели разведку в тактической глубине.

Немецкие радиопоисковики внимательно следили за нашими войсками, использовали малейшие нарушения правил скрытого управления частями, неумелое применение радиосредств.

«В русской армии, – заявлял немецкий генерал-полковник Лотар Рендулич, – главным образом в артиллерийских и танковых соединениях, а также в инженерно-саперных бригадах была широко распространена отдача распоряжений по радио... Русский радиокод вскоре был расшифрован. Находясь на центральном и северном направлениях Восточного фронта, я был свидетелем того, что отдельные минометные бригады являлись хорошим источником сведений. Русские радисты нередко обменивались по радиосвязи неслужебными сообщениями, а также передавали данные об обстановке, которые часто были очень важными».

Это мнение противника. А наш старейший радиоразведчик полковник Владимир Мухин считал, что очень многое пришлось впервые месяцы войны открывать и усваивать для себя, особенно молодым офицерам службы радиоразведки в центре и на местах.

К концу 1942 года ситуация изменилась. Но враг был силен и опытен. Так, на северном участке Орловского выступа юго-восточнее Брянска оборону занимал танковый корпус 2-й танковой армии. Станный, право же, был корпус. Войсковая разведка Западного фронта постоянно давала сведения, что в его составе находятся шесть – восемь дивизий. Но в Разведуправлении Красной армии подобные данные вызывали сомнения.

Радиоразведка фронта тоже была в некотором замешательстве. Дело в том, что в радиосети командования корпуса ежедневно отмечалось от 15 до 20 позывных радиостанций.

Специалисты ОСНАЗа вели тщательную разработку схемы связи корпусной радиосети, и вскоре выяснилось, что немцы для маскировки назначили для каждой радиостанции несколько позывных на сутки. Достаточно сказать, что главная корпусная радиостанция ежедневно использовала восемь, а дивизионные – по четыре позывных.

Начальник оперативного отделения 1-го радиополка ОСНАЗа Виктор Модебадзе нередко в шутку называл такие станции радиостанциями в поле. Надо отметить, что это меткое и точное определение. В действительности радиостанций не существовало, и возникали они лишь по неопытности молодых офицеров-радиоразведчиков.

«При обработке пленгов, – считал полковник Петр Добродий, – в оперативных отделениях частей имели место и ошибки другого рода. Будучи еще в информационной группе отдела радиоразведки, я был свидетелем такого случая. Уже после окончания Московской битвы одна из частей ОСНАЗа Ленинградского фронта упорно показывала танковую дивизию 4-й танковой группы на своем участке фронта, тогда как она еще в сентябре-октябре 1941 года была переброшена на московское направление для участия в операции «Тайфун».

В связи с таким положением ГРУ потребовало прислать в отдел радиоразведки все без исключения пленки, снятые на радиостанции этой дивизии за последние месяцы. Прокладка пленки выявила, что ввиду узкой базы пленгации радиодивизиона ОСНАЗа Ленинградского фронта они почти в равной мере показывали как новый, так и прежний район ее дислокации. Но при прокладке пленгов в дивизионе офицеры оперативного отделения принимали за истинные только те пленки, которые давали возможность «держаться» дивизию перед Ленинградским фронтом».

Алексей Бушуев, командир пеленгаторного пункта 394-го отдельного радиодивизиона

Да, разумеется, были и ошибки, но от месяца к месяцу мастерство наших специалистов-осназовцев неуклонно росло. Во время проведения операции «Багратион» радисты Владимир Коваль и Алексей Бару из 394-го радиодивизиона доложили руководству, что навстречу 65-й армии генерала Павла Батова выдвигается 16-я танковая дивизия гитлеровцев. Однако командованию дивизиона и разведотделу фронта было известно, что этой дивизии не существует, она полностью разгромлена советскими войсками. Тем не менее разведчики настаивали на том, что они узнали почерк радистов дивизии, которых изучали еще во время Сталинградской битвы. Данные своих подчиненных проверил офицер Иван Васильев. Он тоже узнал радистов 16-й танковой.

Истину помогли установить коллеги из войсковой разведки. Из очередного поиска они вернулись с хорошим уловом. В их сети попал командир немецкой танковой роты. Он и подтвердил, что фашисты воссоздали 16-ю танковую, укомплектовали новым личным составом и включили в штат дивизии уцелевших радистов, старых знакомых наших осназовцев.

По характерным чертам и тонкостям их радиопочерка советский радиоразведчик старший сержант Алексей Шашин определил переброску 7-й танковой дивизии со Станиславского направления в Западную Белоруссию. Он же «вычислил» танковую дивизию СС «Викинг» северо-западнее Бреста.

Разухабистый итальянец

Успешно действовал на фронте и старший сержант Александр Зиничев. После войны Александр Алексеевич станет полковником, доктором технических наук. А накануне Курской битвы он был оператором дивизиона радиоразведки, дислоцированного в районе Ржевского выступа. Здесь нашим войскам противостояла 9-я немецкая армия. Зиничев вел наблюдение за радиосетями этого объединения. Обстановка была сложная. Позже, вспоминая о том времени, Александр Алексеевич скажет: «Весь эфир был до отказа забит интернациональной смесью радиосигналов. Рядом с аккуратным немцем «торчал» разухабистый итальянец, которому ничего не стоило пустить какую-нибудь шуточку открытым текстом своему напарнику. А между ними, словно пытаюсь растолкать соседей локтями, влезал со своей тарабарщиной венгр. На западном же направлении эфир продолжал оставаться относительно спокойным. Лишь изредка нарушала его покой радиостанция опергруппы штаба 9-й германской армии. За ней мне теперь и надлежало вести неусыпное наблюдение».

Зимой 1942–1943 годов станция активности не проявляла, просыпалась несколько раз в месяц. Основное время помалкивала. И тем не менее даже в те нечастые сеансы, с которыми она выходила в эфир, старшему сержанту Зиничеву удалось изучить почерк радистов. Один из них в буквах Q и Z несколько затягивал второе тире, и от этого они звучали более мелодично. Второй радист напоминал старшему сержанту женщину, которая плетет тонкое кружево.

Наступил февраль 1943 года. В работе немецких радистов ничего не изменилось. Они также изредка выходили в эфир. Но в середине месяца радиосеть армии начала активную работу. Стало известно, что войска отошли на рубеж Спас-Деменск – Духовщина. Здесь немецкие станции оказались более мощными, и пеленги теперь определялись достаточно устойчиво.

Радиоразведчики фашистской Германии вели активную борьбу в эфире

Казалось бы, надо радоваться. Но было одно обстоятельство, своего рода ложка дегтя в бочке меда. Радиостанция опергруппы штаба куда-то исчезла. Зиничев старался обнаружить своих старых знакомых – увы, безуспешно. Да и в самом радиообмене было что-то странное. Но что? Ему казалось, что радиограммы, которые посылает штаб 9-й армии, никто не принимает. При сбоях в передаче, которые случаются нередко, принимающая сторона обычно просит повторить те части радиограмм, которые не дошли до адресата. А тут все наоборот – ответы свидетельствовали о вполне успешном приеме и завершении сеанса. Получалось, что немцы пытались убедить противника, якобы армия по-прежнему находится на месте. Однако на месте остались лишь радиосети, но не сама армия.

Старший сержант Зиничев доложил свои соображения командованию. А вскоре нашлась радиостанция штаба 9-й армии. Правда, теперь она работала на значительном удалении, где-то в районе Курской дуги.

Доклад Зиничева заинтересовал начальство. Старшего сержанта доставили в штаб. «Более двух часов, – вспоминал Александр Алексеевич, – знатоки строевого устава готовили меня к встрече с командованием. Судя по замечаниям этих спецов, я понял, что грядущее мероприятие непременно обернется для меня гауптвахтой. Я стал даже сожалеть о своем скоропалительном сочинительстве – мне уже виделись генеральские улыбки: есть, мол, у вас свои, доморощенные Шерлоки Холмсы! А пеленг? Правильна ли названная мной цифра? Ведь я не проделал все операции по исключению ложного пеленга. Мало ли что не успел. Должен был успеть! Такие сомнения терзали меня целые сутки напролет и не давали вздремнуть. Вызов наверх казался мне уже избавлением от тяжелых раздумий. Человек, с которым мне пришлось иметь дело, носил генеральские погоны. Он почему-то на мою слабую строевую подготовку не обратил никакого внимания и приказал своему ординарцу напоить меня и сопровождавшего офицера чаем с сушками».

После чая и сушек генерал расспросил старшего сержанта о немецких радистах, о том, действительно ли он научился различать их по почерку, и устроил экзамен. Зиничев должен был ознакомиться с почерком радиста, а потом выбрать его из нескольких человек. Что он успешно и сделал. А вскоре его данные о переборке немецкой армии подтвердились.

Интересный случай из своей фронтовой практики вспомнил и полковник Павел Гнутиков, начальник радиопеленгаторного пункта 313-го радиодивизиона ОСНАЗа: «Два дня назад радиопеленгаторщик сержант Василий Туманов доложил: «Товарищ старший лейтенант! Я поймал Феликса!». «То есть как это?». «А так. Это он, даю голову на отсечение! Слышимость на пять баллов. Но пеленг другой, аж 260 градусов. Обмена не вел, вышел только на проверку связи, но я его успел запеленговать».

После обстоятельного разговора с пеленгаторщиком, проверки и анализа записей у меня сложилось твердое мнение, что разведчик попал на след нашего старого знакомого – радиста главной радиостанции штаба 17-й танковой дивизии немцев.

Кто из радистов назвал эту радиостанцию Феликсом, теперь уже трудно сказать, но пристала эти кличка к ней плотно. Прозвище этот немецкий радист получил за то, что передавая ключом букву «Ф», как-то по-особому затягивал концовку знака. Этого было вполне достаточно для хорошего слушача-разведчика, чтобы выделить его из множества других.

Работу немецкой радиостанции 17-й танковой дивизии мы наблюдали последний раз в декабре 1942 года в районе нижнего Дона. Теперь же она оказалась на нашем участке фронта. А раз танковая дивизия переброшена немцами под Харьков, надо ждать наступления на этом направлении».

К этому эпизоду из фронтовой жизни остается добавить, что старший лейтенант Гнутиков в своем анализе и выводах не ошибся. Разумеется, узнало об этом и наше командование. А ведь, казалось бы, всего ничего – немецкий радист этак изящно затягивал концовку знака.

ХЕ-111 из Констанцы

Наряду с возросшим опытом и мастерством добывающих подразделений важнейшая роль принадлежала и специалистам оперативных отделений радиодивизионов ОСНАЗа. Работая в тесном взаимодействии с радистами, инженерами дивизионов, офицеры-оперативники обеспечивали необходимую завершенность общего процесса ведения разведки. Ибо чего может стоить самое ценное сообщение, если его не в силах расшифровать?

Примером тому деятельность 370-го радиодивизиона ОСНАЗа и офицера его оперативного отделения старшего лейтенанта Константина Бондаренко. Речь о боях в Крыму весной 1944 года.

Ранним утром 2 мая радист центра радиоперехвата сержант Ноздрачев прибежал с листком бумаги в оперативное отделение. Он был взволнован и считал, что в кодированном тексте содержится какое-то важное сообщение. Однако какое, Ноздрачев определить не мог и эту загадку предстояло разгадать Константину Бондаренко.

На листке был записан текст радиограммы немецкого военно-транспортного самолета Ю-52. Адресовалась она радиостанции посадочной площадки фашистов на мысе Херсонес под Севастополем.

Радиограмма отличалась от обычной, хотя внешне напоминала служебные переговоры радистов. Откровенно говоря, Бондаренко пришлось немало потрудиться, но кодированное сообщение тем не менее удалось прочесть. Оказывается, радист самолета использовал международный летный Щ-код, но передавая сообщение, сохранил в кодовых фразах только последний третий знак. Поняв, в чем секрет, Бондаренко быстро прочел текст. «5 мая в 4 часа утра, – говорилось в сообщении, – из Констанцы на вашу посадочную площадку придут 30 бомбардировщиков Хе-111».

Да, этот текст дорогого стоил. Порадовались ему в штабах Отдельной Приморской и 4-й воздушной армий. За мысом Херсонес было установлено постоянное наблюдение.

5 мая в 4 часа утра немецкие бомбардировщики стали заходить на посадку с западной части моря. Едва приземлился последний «Хенкель», как из-за восточной окраины мыса Херсонес показались наши штурмовики. Они нанесли бомбовый удар по площадке и превратили вражеские машины в груды горящего металла. Такова ценность вовремя расшифрованной кодированной радиограммы.

И последнее. Немецкий генерал-полковник Альфред Йодль в дневниках написал: «Радиоразведка – как открытый перехват, так и дешифрование – играла особую роль в самом начале войны, но и до последнего времени не потеряла своего значения. Правда, нам никогда не удавалось перехватить и

расшифровать радиogramмы Ставки, штабов фронтов и армий. Радиоразведка, как и все прочие виды разведки, ограничивалась только тактической зоной».

Такое признание врага дорогого стоит.

[Михаил Болтунов](#),

член Союза писателей России

[Военно-промышленный курьер №15 \(878\) за 27 апреля 2021 года.](#)